

чительное улучшение лишь у трети больных. Наряду с этим, результаты консервативного лечения, проводимого в нашем отделении, свидетельствуют о возможности благоприятных результатов при условии длительной дегидратационной, противоспалительной и рассасывающей терапии.

Приводим наше наблюдение.

Ж., 40 лет, поступила 26/XII-55 г. с жалобами на головную боль, головокружение, координаторные расстройства. Считает себя больной с 1950 г., когда без видимых причин появилась головная боль. С начала 1955 г. головная боль резко усилилась, возникала приступообразно, сопровождаясь рвотой. Вскоре состояние стало прогрессивно ухудшаться, появились нарушения глотания, слабость в левой руке. Лечилась в клинике нервных болезней, где обнаружены застойные соски зрительных нервов, и с диагнозом — опухоль правого полушария мозжечка — больная переведена к нам для операции.

Внутренние органы — без патологии. Правый зрачок шире левого, не доводит правое глазное яблоко кнаружи. Нистагм при прямом взгляде и взгляде в стороны. Резкое снижение корнеального рефлекса справа. Сглаженность правой носогубной складки, хуже зажмуривает правый глаз. Атрофия жевательной мускулатуры и грудно-ключично-сосковой мышцы справа. Снижение мышечной силы в левых конечностях. Промаживание и интенционный тремор при пальценосовой пробе слева, адиадохокинез слева. Рефлексы с левых конечностей выше, чем справа, патологические рефлексы Бабинского и Оппенгейма слева.

Л. — 10300 и РОЭ — 26 мм/час.

Застойные соски зрительных нервов с переходом в атрофию, острота зрения справа — 0,04, слева — 0,2.

Обзорная краниография — остеопороз спинки турецкого седла, расширение внутреннего слухового отверстия справа.

Люмбальный ликвор без патологии.

Активная дегидратационная терапия существенного эффекта не дала. 6/II-56 г. цистернальная пункция. При этом на глубине 4 см в типичном направлении получено 15 мл мутной, желтого цвета жидкости с большим содержанием белка (17,16%) и 8 лейкоцитами в 1 мм³. Сразу же введено 20 мл воздуха. На рентгенограммах видна тень полости в задней черепной ямке, больше в правой ее половине; мозговые желудочки воздухом не заполнились.

После опорожнения арахноидальной кисты наступило быстрое и значительное улучшение состояния: исчезли головные боли, почти полностью нормализовался неврологический статус, застойные явления на глазном дне подверглись обратному развитию, острота зрения увеличилась слева в 4 раза (до 0,8—0,9), справа — в 15 раз (до 0,6—0,7). Двусторонняя вентрикулография выявила лишь незначительную равномерную гидроцефалию.

При повторной цистернальной пункции жидкости не получено. Дополнительно проведено дегидратационное и рассасывающее лечение.

Во вполне удовлетворительном состоянии 8/III-56 г. больная выписана.

Через 3,5 г. жалоб не предъявляет. Глазное дно без застойных явлений, неврологически определяются лишь неуверенность при пальценосовой пробе и дисдиадохокинез слева.

Поступила 15 октября 1960 г.

ХИРУРГИЧЕСКОЕ ЛЕЧЕНИЕ ТРАВМАТИЧЕСКОЙ ЭПИЛЕПСИИ

Мл. науч. сотр. Х. М. Шульман

Казанский научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии
(директор — проф. Л. И. Шулуток)

Наше сообщение основано на клиническом анализе 28 больных, оперированных в нейрохирургическом отделении в 1946—1958 гг.

Основную группу (21 человек) составляют участники Отечественной войны, получившие огнестрельные ранения различных областей черепа и головного мозга. У большинства больных этой группы ранения сопровождались тяжелыми контузиями. 24 больных имели проникающие ранения черепа (у 21 из них — осколками снарядов), 14 больных — слепые проникающие осколочные ранения.

Первичная хирургическая обработка в армейском районе в ряде случаев оказывалась неполноценной, что, по нашему мнению, увеличило число осложнений раневой инфекцией. К дефектам обработки относятся нередко очень маленькие размеры трепанационных отверстий, из которых невозможно произвести полноценную

хирургическую обработку. Это служило причиной оставления в ране инородных тел, имевших в дальнейшем, как нам кажется, значение в развитии раневых осложнений.

В связи с большой мобильностью войсковых соединений и фронтов в минувшую войну, больные нередко не наблюдались должное время оперировавшим их хирургом, что также могло отразиться на результатах лечения. Учитывая мощные средства борьбы с инфекцией, имеющиеся в нашем распоряжении, в виде антибиотиков, нам кажется целесообразным поставить вопрос о производстве первичных хирургических обработок при черепно-мозговых ранениях в подходящих условиях, даже за счет отдаления срока обработки.

Эпилептические припадки у основной группы больных появились на сроках от 3 месяцев до 3 лет после травмы (25 больных).

Как и другим авторам (Е. А. Альтшулер, И. С. Бабчин, Л. И. Омороков, Л. Рохлин), нам удалось отметить зависимость характера эпилептических припадков от локализации черепно-мозгового ранения.

У 11 больных из 28 были ранения правого полушария головного мозга, у 17 — левого. На первом месте по частоте поражения стоит лобно-теменная область (16), второе принадлежит повреждению лобной области (8), у 4 были ранения височных областей. Ранения затылочных областей в наших наблюдениях не встречалось.

При повреждении правого полушария мозга припадки в большинстве случаев носили парциальный характер (у 8 из 11). Ранения левого полушария сопровождались преимущественно общими эпилептическими припадками (у 11 из 17). Разница характера припадков в зависимости от стороны повреждения, с нашей точки зрения, может быть объяснена большей динамической подвижностью корковых процессов в левом полушарии.

Ранение области центральных извилин и теменной доли сопровождается парциальными припадками (в 12 наблюдениях из 16: справа — 7, слева — 5). Ранения лобной и височной областей чаще сопровождаются общими эпилептическими припадками (10 наблюдений из 12: справа — 2, слева — 8).

6 больных поступили в отделение в состоянии эпилептического статуса. 5 из них имели ранения правого полушария головного мозга и до эпилептического статуса страдали припадками джексоновского типа.

Поводом к хирургическому лечению травматической эпилепсии служил ряд показаний, основное место среди которых принадлежало рубцовым процессам мозга и его оболочек после черепно-мозговых ранений, а также учащению эпилептических припадков и эпилептическому статусу.

Большое значение при решении вопроса о целесообразности оперативного вмешательства придавалось дефектам костей черепа с резко болезненными рубцами, а также синдрому «трепанированных».

Большинству больных перед операцией с лечебной и диагностической целями производилась пневмоэнцефалография.

28 больным произведено 52 операции: 14 оперированы однократно, 8 — дважды, 3 — трижды, 2 — 4 раза, и один — 5 раз.

Операции, произведенные больным: менингоэнцефалолиз, иссечение рубцов с пластикой твердой мозговой оболочки и закрытием дефекта костей черепа, вскрытие абсцессов мозга, удаление участков костного вдавления. В ряде случаев по ходу операции удалялись инородные тела.

Большинство оперировано под местной новокаиновой анестезией или в комбинации с внутривенным и внутримышечным пентоталовым, гексеналовым наркозом.

Сроки оперативных вмешательств от начала эпилептических припадков были различными: на первом году оперировано 11 больных, на 2—4 — 8; на 6—8 — 5; на 11—12 — 4.

На основании эффективности оперативных вмешательств на отдаленных сроках мы склонны высказаться в пользу операций восстановительного типа (иссечение оболочечно-мозговых рубцов, закрытие дефектов твердой мозговой оболочки и кости). После операций больные в повторных вмешательствах обычно не нуждались. Перечисленные операции отличаются большей физиологичностью по сравнению с другими оперативными вмешательствами по поводу травматической эпилепсии.

Подбор больных для восстановительных операций должен проводиться особенно тщательно. Одним из основных противопоказаний к операции мы считаем перенесенный воспалительный процесс (абсцесс, менингоэнцефалит) в течение 5—6 предшествовавших операций лет.

Отдаленные результаты удалось проследить у 25 больных на следующих сроках: от 1 до 5 лет — у 8; от 6 до 8 лет — у 13; от 11 до 12 лет — у 4. 4 больных умерли на сроках от 1 до 4 лет после операции: двое — при эпилептическом статусе в районной больнице, один — после повторной операции абсцесса мозга, четвертый — от пневмонии.

У 13 больных припадки после операции прекратились, отдаленные результаты прослежены на сроках от 1 до 3 лет — у 3, 6—7 лет — у 3, 8 лет — у 3, 11—12 лет — у 2. Большинству больных этой группы (9) произведено иссечение оболочечно-мозговых рубцов с последующим закрытием дефекта в костях черепа и пластикой твердой мозговой оболочки. 9 из 13 оперированы на сроках до 2 лет от начала эпилептических припадков. По нашему мнению, последнее обстоятельство так

же благотворно отразилось на отдаленных результатах. У 2 припадки после операции прекратились через 1,5 года, в течение которых они были редкими и легко протекали. У 3 после операции наступило значительное улучшение, заключающееся в уменьшении частоты припадков до 1 раза в 6—8 месяцев. Изменился и характер припадков. Так, у 2 больных вместо общих припадков появились парциальные. У 5 больных оперативное вмешательство оказалось безуспешным. Они оперировались на поздних сроках от начала припадков (4—8 лет). Этим больным не иссекались мозговые рубцы ввиду их большой распространенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабчин И. С. VII сессия нейрохирургического Совета, 1947. — 2. Оморков Л. И. Журн. невропат. и псих. им. Корсакова, 1941. — 3. Рохлин Л. Травматическая эпилепсия, М., 1948.

Поступила 10 июня 1960 г.

ДВА СЛУЧАЯ БОЛЕЗНИ БАРРЕ — МАССОНА

Р. К. Павлов

Факультетская хирургическая клиника (зав. — проф. С. Л. Либов) Куйбышевского медицинского института

В 1920 г. Барре впервые сообщил об одном больном, страдавшем каузальгическими болями, связанными с подногтевой опухолью на кисти. 4 года спустя Барре опубликовал 4 наблюдения таких опухолей. Массон произвел подробное гистологическое исследование этих опухолей и установил их происхождение из сосудистых клубочков кожи. С тех пор они получили название опухолей Барре — Массона.

Опухоли гломуса относятся к ангиомионевромам и, в зависимости от соотношения составных элементов, делятся на ангиоматозные, нейроматозные и дегенеративные формы.

Болезнь развивается постепенно, прогрессивно. Сначала появляются умеренные, тупые боли в пальце, интенсивность которых постепенно нарастает; затем боли становятся постоянными, усиливаясь при малейшем движении руки, при случайном прикосновении большого пальца к различным предметам. Усиление болей носит характер приступа в течение нескольких минут, иногда и больше.

Боли имеют острый характер, иррадиируют в кисть, предплечье, плечо. Иногда больные отмечают иррадиацию болей в область сердца, по характеру близких к стенокардии. В дальнейшем приступы болей возникают спонтанно, часто в ночное время. Интенсивность их достигает крайних степеней. Через некоторое время после болей больные совершенно отчетливо определяют болевую точку, связанную с локализацией опухоли. От холода боли резко усиливаются. Местно при длительном заболевании наблюдаются истончение и глянцевиность кожи пальца, который оказывается несколько тоньше, чем одноименный палец на другой руке. При локализации опухоли под ногтем в области основания его ложа на пальце можно видеть участок с легким цианотическим оттенком. При расположении опухоли в области мякоти пальца ее локализация обычно устанавливается определением болезненной точки надавливанием на палец пуговчатым зондом. Почти всегда больной испытывает страх при исследовании большого пальца и не разрешает прикоснуться к болезненному месту. В ряде случаев при большой длительности заболевания некоторые авторы наблюдали остеопороз фаланги большого пальца. Единственным способом излечения является иссечение опухоли.

И. М., 55 лет, поступила 21/І-59 г. с жалобами на сильные постоянные боли в области ногтевой фаланги второго пальца левой кисти. Считает себя больной около 7 лет, когда без видимых причин начала чувствовать боли в этом пальце. Сначала они носили нерезкий, колющий характер, усиливались при малейшем прикосновении. В дальнейшем приняли почти постоянный характер и стали нетерпимыми в ночное время, в связи с чем больная лишилась сна и покоя. Вначале боли успокаивались раствором поваренной соли, теплом. Затем и тепловые процедуры больше не помогали.

Впервые обратилась только 21/І-59 г. к врачу, который и диагностировал болезнь Барре — Массона.

На ладонной поверхности второго пальца левой кисти в области ногтевой фаланги едва заметная припухлость на ограниченном месте. Кожа в этом месте глянцевиата с цианотическим оттенком. Больной палец заметно тоньше одноименного пальца правой кисти. При легком надавливании на припухлость больная испытывает острую, жгучую боль с иррадиацией в левое предплечье. На рентгенограмме костных изменений не обнаружено.